

ГЛАВА XI

Я облакаюсь во всеоружие

“Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских”

Еф. 6:11

Дни окончания учебы полны радости — всегда и везде. Какие светлые мечты мы лелеем! Будущее кажется путем, усыпанным розами. Мой друг С. и я не были исключением. Я уже говорил о его обращении в веру. Сейчас я могу добавить, что после обращения он вступил в наше братство и был рьяным христианином. Он даже начал проповедовать на наших собраниях.

Мы были так близки по духу и идеалам, что решили постараться найти работу в одном месте. Через Общество техников мы получили работу в имении Неплюева, очень крупного землевладельца в Черниговской губернии.

Я должен был работать помощником директора сахарного завода в имении Неплюева. Мой друг С. получил должность управляющего небольшого механического завода. Оба завода находились в одном месте, в Свессе, так что наше желание быть вместе осуществилось.

Весной мы сдали выпускные экзамены в институте. Затем нам пришлось до конца июля работать в цеху. В августе мы получили дипломы инженеров-механиков.

Работа на богатого русского землевладельца

До отъезда в имение Неплюева мы решили съездить домой, на Кавказ. Мой друг С. был родом из Екатеринодара, столицы Кубани на Кавказе, а мой родной город, Владикавказ, был административным центром Терской губернии. Во время этой поездки мы сделали остановку в Туле для памятного посещения графа Льва Толстого.

После встречи с ним мы продолжали свою поездку и, побывав дома и проведя некоторое время с родителями и друзьями, мы вернулись на работу в имение Неплюева, который, как мы узнали, был одним из богатейших землевладельцев в России, а также одной из самых интересных личностей среди социальных деятелей из-за его отношения к трудящемуся классу России.

Он опубликовал несколько брошюр с описанием своего плана трудовых братств и старался убедить других землевладельцев сделать то же самое со своей землей и крестьянством. Конечно, поскольку его план был приемлем для Православной Церкви, то не встречал сколько-нибудь существенного противодействия, и его теории получили широкую известность.

По прибытии в имение Неплюева С. и я начали работать на заводах, где мы вошли в тесный контакт с местным Братством. Мы посещали их собрания и, конечно, пытались учить присутствующих, как читать и толковать Библию, а также как молиться согласно Евангелию, то есть не в соответствии с определенной формулой, но спонтанно, как диктует желание сердца и ведет Святой Дух.

Мы также беседовали с самим Неплюевым, объясняя ему новозаветное христианство и указывая на необходимость устранить все следы компромисса с церковными властями.

Священники обеспокоены двумя штундистами

Как молодые христиане, мы не могли примириться с его компромиссами, со многими его убеждениями и действиями. С другой стороны, местный священник был обеспокоен присутствием двух штундистов в Братстве. Мы становились все более и более популярными среди членов Братства, но что касается самого Неплюева, священника и других усердных православных служащих, в их глазах мы скоро стали опасными людьми, так что наше дальнейшее пребывание у Неплюева стало невозможным.

Во время последнего разговора мы объяснили Неплюеву наше мнение относительно всей его работы. Он сказал нам вполне откровенно, что в своих действиях он не может идти дальше того, чего уже достиг. В результате мы уволились и покинули его имение.

Наше прощание с членами Братства было очень трогательным. Некоторые из них плакали, говоря нам: "Прощайте. Духовная связь возникла за время нашего общения".

В феврале 1894 г. из имения Неплюева мы приехали в Колпино, под Санкт-Петербургом, на Адмиралтейские Ижорские Заводы. Мы были приняты на работу в качестве помощников начальников цехов на крупном заводе, где производились стальные пластины для броненосцев. Мы рассматривали эту работу как временную, поскольку она совершенно не удовлетворяла нас.

Близость места работы к Санкт-Петербургу позволила нам возобновить нашу христианскую работу в столице. Мы посещали собрания, а я продолжал вести широкую переписку и издавал журнал "Беседа".

Мы создаем свое собственное имение

Под общим гнетом режима все мы чувствовали необходимость найти другие условия для духовной работы, и наши раздумья привели нас к целесообразности создания особого поселения, основанного на принципах Евангелия. На это нас вдохновил пример иерусалимской церкви, описанный во 2 и 4 главах Деяний Апостолов. Братья С., Ф. и я обсудили между собой этот вопрос и в конце концов решили, что мы постараемся основать христианскую сельскохозяйственную общину где-нибудь на юге России, если удастся, в Крыму.

Брат Ф. должен был поехать первым, чтобы сделать все приготовления, а мы должны были последовать за ним. Пока мы находились в процессе совершенствования своих планов, к нам присоединилась дама, госпожа З.Н.Некрасова. Она была вдовой известного русского поэта Некрасова, который был очень популярен благодаря своим стихам, описывающим страдания русских крестьян и рабочих. Две племянницы вдовы посетили одно из наших собраний и, находясь под глубоким впечатлением от него, пригласили свою тетю. Она была обращена в веру и позже стала членом нашей церкви. В то время ей было около 45 лет. Заинтересовавшись нашим планом создания сельскохозяйственной общины, она охотно присоединилась к нашей инициативе и пожертвовала некоторую сумму денег.

Осмотрев различные хозяйства, мы купили имение в Крыму недалеко от города Симферополя. Имение называлось "Кирк". Прежде в нем жила группа немецких колонистов "Иерусалимские братья", эмигрировавшая в Палестину из-за какого-то пророчества.

Первыми в "Кирк" приехали брат Ф. с семьей и госпожа Некрасова с племянницами. Они договорились о покупке имения, а я последовал за ними позже, с С. и его женой. Должен сказать, что брат С. женился на одной из членов нашей церкви. Наше совместное общение было и приятным, и полезным.

Счастливые дни труда и учения

Вскоре к нашей группе присоединился крестьянин, брат Егор Сыромятников. Он был хорошим пасечником. Нашей общине было дано название "Вертоград" (Виноградник). Как уже говори-

лось, мы руководствовались рассказами о первобытном христианстве и хотели претворить в жизнь пример апостолов: "И никто ничего из имени своего не называл своим, но все у них было общее" (Деян. 4:32).

Все принадлежало всем. Особый духовный восторг вызывало сознание того, что здесь все, так же, как ты сам, принадлежит другим, что никто не может пользоваться ничем без согласия других. Чувствуешь себя, как будто потерял свое "я", свою свободу, свою личность. Но поскольку это было сделано в соответствии с примером Апостолов и со словами Иисуса Христа о *самоотречении* (Мтф. 16:24), радость наполняла наши сердца и мы все время духовно находились в самом прекрасном состоянии, какое только можно представить.

У нас было разделение труда. Я ухаживал за коровами, волами и лошадьми. Я поил их, приносил им корм, солому и т.д., и за это был прозван Соломонос. Моей обязанностью было также копать ямы для посадки виноградных лоз, и я однажды выкопал за день 180 таких ям, что было рекордом для этого вида работы.

В дополнение к этому я привозил издалека глину на повозке, запряженной волами. Это была очень утомительная работа, но я работал с большим удовлетворением и радостью. Я всегда пел, и мне говорили, что мой голос часто разносился далеко над холмами. Чтобы с пользой проводить вечера, я предложил устроить Библейские курсы с толкованием Слова Божия, учением истории церкви и т.д.

После тяжелого дня работы и ужина мы собирались все вместе. Я читал или рассказывал что-нибудь из истории церкви; сестры мирно шили или вязали, слушая вместе с братьями. Это были незабываемые вечера, и сейчас я вспоминаю их с огромным удовлетворением. Это действительно было началом Библейской Школы. Мы были очень счастливы в своем Вертограде, но счастье на земле не вечно.

Обстоятельства разрушают нашу общину

Местные власти, которые в то время препятствовали всем социальным движениям, заинтересовались нашей организацией, и мы знали, что за нами наблюдают. Потом начались трудности. Я получил из Владикавказа телеграмму с сообщением, что мой отец приговорен к ссылке. Мать просила меня приехать и помочь ей. Мне пришлось покинуть общину. Всех опечалил мой отъезд, и брат Ф. сказал: "Мы теряем лучшего работника". Мы

надеялись вскоре снова встретиться в Вертограде, но на то не было воли Божьей.

По прибытии во Владикавказ я узнал, что мой отец и еще двое братьев сосланы в Закавказье по обвинению в распространении вредной религиозной пропаганды. Это было сделано по приказу генерал-губернатора Терской губернии генерала Кочанова. Помимо ссылки братьев, он строго запретил любые религиозные собрания и наложил всевозможные ограничения на оставшихся братьев.

Я помогал матери вести домашнее хозяйство и одновременно тайно организовал несколько собраний с братьями и сестрами. Мы утешали друг друга Словом Божьим, а также обсуждали свое несчастное положение. В конце концов братья попросили меня поехать в Санкт-Петербург и через наших друзей ходатайствовать об освобождении сосланных и о снятии жестоких ограничений, наложенных генералом Кочановым. Между тем распространился слух, что полиция собирается арестовать меня.

Преследуемые сектанты остаются без помощи

Меня тайно довели до маленькой станции к северу от Владикавказа, где я сел на поезд до Санкт-Петербурга. Но здесь все мои попытки увидеть наших друзей в правительстве и передать ходатайство были бесполезны. Никто не решился поднять голос в защиту осужденных сектантов.

Именно в это время — 3 сентября 1894 г. — министр внутренних дел издал циркуляр, в котором штундисты были названы “самой опасной сектой, поэтому следует проявить огромную бдительность и осторожность и предпринимать все возможные меры, чтобы предотвратить распространение этой секты!”

Этот циркуляр был понят в провинции так, что разрешены любые преследования в отношении этих сектантов; он был еще одним доказательством огромного влияния Победоносцева, фаворита императоров Александра III и Николая II. Он был обер-прокурором Святейшего Синода и известным сторонником всех реакционных политических мер, самым жестоким из всех выступавших за запрещение свободной религиозной мысли и преследование сектантов.

Имение “Вертоград” распалось

Притеснения стали такими жестокими, что невозможно было сделать ничего для облегчения жизни сосланных или тех, кто еще остался на свободе. Я обсудил ситуацию с братьями в

Санкт-Петербурге, и мы решили, что единственное, что нам осталось — перенести центр своей деятельности в какую-нибудь другую страну и стараться организовать помощь из-за границы.

Мы попросили нашу сестру Кирхнер из Саратова эмигрировать в Стокгольм, что она и сделала. Там она взяла на себя продолжение издания журнала "Беседа", печатая и посылая его номера в Россию заказными письмами. Она честно выполняла эту работу, но, к сожалению, значительная часть писем, и, следовательно, целых номеров журнала, была потеряна. Некоторые из них, однако, достигли адресатов, часто в самых отдаленных местах России, и принесли послания самого глубокого духовного утешения заключенным огромной "тюрьмы" России.

В описываемых условиях дальнейшее существование общины "Вертоград" было невозможным. Брат Ф. продал все, что мог, и эмигрировал сначала в Румынию, а впоследствии в Канаду. Брат Сыромятников, пасечник, вернулся домой в Екатеринославскую губернию; сестра Некрасова уехала в Саратов, где жила до конца жизни. Брат С. пошел работать инженером-механиком на железную дорогу. Кто знает, каков был бы итог в других условиях — при свободе исповедовать истинную евангельскую веру и вести евангельский образ жизни.